

Научная статья
УДК 343.2
doi: 10.17223/22253513/44/8

Проблемные вопросы квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя

Тамара Геннадьевна Черненко

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, chernenkotg@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены теоретические и практические аспекты квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя. Освещены особенности качественного и количественного эксцесса. Проанализированы проблемные вопросы квалификации эксцесса исполнителя при сложном соучастии. Охарактеризованы проблемные вопросы квалификации групповых преступлений при эксцессе соисполнителя. Сформулированы предложения по квалификации эксцесса исполнителя в различных ситуациях.

Ключевые слова: соучастие, качественный эксцесс, количественный эксцесс, группа лиц, квалификация

Для цитирования: Черненко Т.Г. Проблемные вопросы квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 44. С. 93–104. doi: 10.17223/22253513/44/8

Original article
doi: 10.17223/22253513/44/8

Problems of qualification of actions of accomplices in case of excess of perpetrator

Tamara G. Chernenko

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation, chernenkotg@mail.ru

Abstract. The article describes features of qualitative and quantitative excesses of the perpetrator. The article analyses problematic questions of qualification of excess of a perpetrator in complex complicity, when the accomplices perform legally different roles. It is noted that excess of perpetrator may be referred to when he commits a more serious crime than was agreed upon by accomplices on a preliminary agreement, and less serious crime. If the perpetrator commits a crime with aggravating circumstances which were not covered by the intention of other accomplices, the perpetrator is responsible for the crime with aggravating circumstances, organizer, instigator, accomplice - for complicity in a crime without aggravating circumstances. The author substantiates the conclusion that in a situation where the perpetrator, by deviating from the instigator's or organiser's intention, commits a less serious crime he should be charged with that crime. The instigator, on the other hand, should be charged with

incitement to the offence with the qualifying characteristics that was covered by his intention, while the organiser should be charged with the activity of organising the offence with the qualifying characteristics.

Within the framework of complex complicity it is difficult to qualify the actions of accomplices in such a form of quantitative excess, when the perpetrator commits a crime that is similar to the one intended by the accomplices, but of a different kind: for example, instead of theft he commits robbery. The article substantiates the conclusion that when qualifying it is necessary to use a legal fiction: the actions of accomplices should be qualified according to the direction of their intent: the perpetrator should be responsible for robbery, other accomplices - for complicity in a completed theft. Such classification of the crime emphasizes that complicity in the crime took place, but the perpetrator committed an excess for which the other accomplices are not responsible.

The problems of qualification of the perpetrator's excess in the group commission of a crime involving several co-perpetrators who had previously agreed to commit a certain crime together were analysed.

Consideration is given to the qualification of the offence in the case of "unsuccessful accomplice". Sometimes a person who has been induced to commit a particular crime commits, for whatever reason, a heterogeneous new crime instead of the agreed crime (in relation to the latter he does not even perform preparatory acts). The perpetrator who has committed the crime will be responsible for the de facto act (qualitative excess), while the actions of other persons for the crime committed by the perpetrator are excluded.

The author justifies the conclusion that unsuccessful actions of other persons to organize or assist a crime should be qualified as preparation to a crime. It would be advisable to enshrine this provision in law, as has already been done in relation to failed "incitement".

Keywords: complicity, qualitative excess, quantitative excess, group of persons, qualification

For citation: Chernenko, T.G. (2022) Problems of qualification of actions of accomplices in case of excess of perpetrator. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 44. pp. 93–104. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/44/8

Одной из сложных проблем доктрины уголовного права и правоприменительной практики является квалификация действий соучастников при эксцессе исполнителя или иного соучастника. Действующее уголовное законодательство уделило внимание только эксцессу исполнителя. В соответствии со ст. 36 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), «эксцессом исполнителя признается совершение исполнителем преступления, не охватывающегося умыслом других соучастников. За эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат» [1].

В доктрине уголовного права виды эксцесса исполнителя подразделяются на два вида – качественный и количественный – в зависимости от характера отклонения деятельности исполнителя от общего замысла соучастников, от состоявшейся ранее договоренности о том, что именно должен сделать исполнитель во исполнение этого замысла.

Специфика качественного эксцесса заключается в том, что исполнитель посягает на качественно иной объект по сравнению с тем объектом, посяг-

нуть на который намерены были соучастники, т.е. совершает преступление неоднородное с тем, которое было задумано соучастниками. При этом возможны ситуации, когда исполнитель при наличии сложного соучастия наряду с преступлением, образующим эксцесс, совершает и преступление, в котором были заинтересованы другие соучастники и относительно которого был предварительный сговор.

Допустим, лицо, желающее завладеть определенной ценной вещью, принадлежащей другому человеку, склоняет какое-либо лицо, обещая вознаграждение, совершить тайное хищение этой вещи. Исполнитель, полагая, что в квартире, где находится вещь, которую он должен похитить, никого нет, проникает в нее и сталкивается с хозяйкой квартиры. Опасаясь разоблачения, похититель убивает женщину и лишь после этого совершает кражу. В приведенном примере в действиях исполнителя наличествует совокупность преступлений: кража чужого имущества, относительно которой была договоренность с подстрекателем, и убийство – преступление, которое не охватывалось умыслом подстрекателя и совершено исполнителем по его собственной инициативе. Следовательно, исполнитель подлежит ответственности и за кражу, и за убийство, а подстрекатель – за соучастие в форме подстрекательства к краже чужого имущества.

При количественном эксцессе, в отличие от качественного, исполнитель совершает преступление, однородное с тем, которое было задумано соучастниками, т.е. вред причиняется именно тому объекту, на который хотели посягнуть соучастники. При этом возможны различные ситуации проявления количественного эксцесса. Например, исполнитель совершает преступление с квалифицирующими признаками, усиливающими уголовную ответственность, которые не охватывались умыслом иных соучастников: допустим, вместо простого убийства совершает убийство с особой жестокостью или общеопасным способом. Действия организатора, подстрекателя или пособника находятся в данном случае в причинной связи с убийством, совершенным исполнителем. Однако квалифицирующие признаки не охватывались их умыслом (договоренности о них не было). При квалификации в этой ситуации не возникает осложнений: исполнитель отвечает за содеянное в полном объеме (за преступление с отягчающими обстоятельствами), организатор, подстрекатель, пособник – за соучастие в преступлении без отягчающих обстоятельств [2. С. 119].

Но как следует квалифицировать содеянное в случае, если исполнитель совершил преступление без отягчающих обстоятельств, в то время как, например, подстрекатель склонял его совершить преступление именно с отягчающими обстоятельствами? В этой ситуации также наблюдается своего рода эксцесс исполнителя, поскольку в ст. 36 УК РФ ничего не говорится о том, что эксцесс может иметь место только в отношении более тяжкого преступления. Следовательно, об эксцессе исполнителя можно говорить как в том случае, когда им совершается более тяжкое преступление, чем было согласовано соучастниками по предварительной договоренности, так и менее тяжкое. Допустим, подстрекатель склонил исполнителя

совершить убийство потерпевшего с особой жестокостью, желая причинить потерпевшему дополнительные мучения и страдания в процессе лишения его жизни. Исполнитель же, не решившись проявить особую жестокость к потерпевшему, совершил убийство без отягчающих обстоятельств.

Исследователями эксцесса исполнителя применительно к квалификации содеянного в подобных ситуациях высказаны неоднозначные суждения. Одна из позиций заключается в том, что исполнителю необходимо инкриминировать совершенное им менее тяжкое преступление, а другим соучастникам – приготовление к более тяжкому преступлению, совершение которого охватывалось их умыслом [3. С. 118; 4. С. 192–193]. Следовательно, в приведенном выше примере действия подстрекателя, в соответствии с изложенной позицией, должны были бы квалифицироваться как приготовление к убийству с особой жестокостью (ч. 1 ст. 30, п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ), а действия исполнителя – по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Сторонники другой позиции полагают, что при наличии эксцесса исполнителя в сторону менее тяжкого преступления действия исполнителя следует квалифицировать как оконченное менее тяжкое преступление, а действия остальных соучастников – как соучастие в покушении на более тяжкое преступление [5. С. 24–26; 6. С. 76–77]. Согласиться с предложенными вариантами квалификации не представляется возможным. Как видим, сходство обеих указанных позиций заключается в том, что соучастникам, несмотря на то, что в действиях исполнителя имеется стадия оконченного посягательства на тот объект преступления, которому изначально планировалось причинить вред, предлагается вменять стадию неоконченного преступления (соучастие в приготовлении к преступлению или в покушении на преступление), несмотря на то, что соответствующий объект преступления пострадал. При приготовлении к преступлению к преступлению создаются лишь условия для последующего посягательства на охраняемые интересы, при покушении совершаются действия, направленные на причинение вреда объекту преступления, однако тот вред, в котором были заинтересованы определенные соучастники преступления (например, подстрекатель), не причинен. В приведенном выше примере произошло убийство человека. Посягательство на жизнь человека завершилось его смертью. Квалификация действий соучастников по стадиям неоконченного преступления, особенно по стадии приготовления к преступлению, будет означать необоснованное сужение границ их уголовной ответственности.

Еще одно из суждений по рассматриваемому вопросу сводится к тому, что уголовно-правовая оценка действий организатора, подстрекателя и пособника должна быть основана на акцессорных началах. Иными словами, квалификация действий иных соучастников в этом случае является производной от квалификации исполнительских действий [7]. Следовательно, совершение «простого» убийства вместо оговоренного убийства с особой жестокостью или убийства общеопасным способом должно, по мнению сторонников указанной позиции, квалифицироваться как соуча-

ствие в убийстве без квалифицирующих признаков [7]. Подобная квалификация также вызывает возражение. Если у организатора или подстрекателя конкретизированный умысел был направлен именно на то, чтобы исполнитель совершил убийство с особой жестокостью или общеопасным способом, о чем исполнитель информирован, то при квалификации их действий следует учитывать направленность их умысла на преступление с квалифицирующими признаками, а не на простое убийство. Иное означало бы необоснованное смягчение ответственности виновных лиц, что противоречит принципу справедливости. Полагаем, что в ситуации, когда исполнитель, отклоняясь от умысла подстрекателя или организатора, совершает менее тяжкое преступление, ему должно инкриминироваться это преступление, а подстрекателю – подстрекательство к тому преступлению с квалифицирующими признаками, которое охватывалось его умыслом, организатору – деятельность по организации преступления с квалифицирующими признаками. Такая квалификация в полной мере соответствует принципу самостоятельности ответственности соучастников.

В рамках сложного соучастия вызывает затруднения квалификация действий соучастников при такой форме количественного эксцесса, когда исполнитель осуществляет преступление, однородное с задуманным соучастниками, но другого вида: например, вместо кражи совершает грабеж или разбой. По мнению Л.М. Прокументова, исполнитель отвечает за совершенное им преступление, а остальные соучастники «отвечают за кражу по правилам, предусмотренным для неоконченного преступления» [3. С. 118]. При этом не уточняется, какая именно разновидность неоконченного преступления – приготовление к преступлению или покушение на преступление – должна вменяться соучастникам. Близкая к изложенной выше позиции была высказана позиция А.А. Арутюновым и А. Ситниковой [4. С. 187–188; 6. С. 77]. Так, А. Ситникова пишет, что при эксцессе исполнителя, выразившемся в совершении грабежа вместо кражи, действия исполнителя квалифицируются как открытое хищение чужого имущества (грабеж), а действия других соучастников – как покушение на кражу [6. С. 77].

Предложенная указанными авторами квалификация вызывает возражения. Неоконченное преступление имеет две разновидности: приготовление к преступлению и покушение на преступление.

Стадия приготовления к преступлению характеризуется тем, что на ней создаются благоприятные условия для совершения преступления, предполагаемый объект посягательства еще не поставлен под непосредственную угрозу причинения вреда. При покушении на преступление уже совершаются действия, непосредственно направленные на совершение преступления, но при этом преступление не доводится до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам. В рассмотренном же нами примере соучастник (допустим, подстрекатель) возбудил решимость у исполнителя совершить хищение чужого имущества, под влиянием подстрекателя исполнитель совершил хищение, достиг цели, к которой стремился подстрекатель, причинил ущерб именно тому объекту, на который желал посягнуть под-

стрекатель. Исполнитель лишь использовал не тот способ завладения чужим имуществом, который охватывался предвидением подстрекателя, однако поставленная цель (похитить конкретное имущество) была фактически достигнута [7. С. 42–51]. Налицо реальная причинная связь между подстрекательскими действиями и преступлением, совершенным исполнителем. Однако непонятны основания сужения границ уголовной ответственности подстрекателя. Стадии приготовления к преступлению и покушения на преступление не охватывают в полном объеме содеянного подстрекателем, более того, подобная квалификация не отражает наличия соучастия в данной ситуации, а исключает его, с чем никак нельзя согласиться, ибо все признаки соучастия в наличии. Исполнитель лишь допустил отступление от общего замысла.

При рассмотренной разновидности количественного эксцесса при сложном соучастии единственно верной, на наш взгляд, будет квалификация действий соучастников с учетом направленности их умысла: исполнитель должен отвечать за грабеж, другие соучастники (организатор, подстрекатель, пособник) – за соучастие в оконченной краже. Это своего рода юридическая фикция, но ее использование считаем целесообразным, поскольку «такая квалификация содеянного подчеркивает, что соучастие в преступлении имело место, но исполнитель допустил эксцесс, за который другие соучастники ответственности не несут» [2. С. 120], тем не менее, они, наряду с исполнителем, отвечают за реально причиненный потерпевшему вред, поскольку это изначально охватывалось их умыслом.

Эксцесс исполнителя может иметь место и при групповом совершении преступления, в котором задействованы несколько соисполнителей, предварительно договорившихся о совместном совершении определенного преступления. Например, группа лиц договорилась о совершении кражи чужого имущества. В процессе совершения преступления кто-либо из соисполнителей, отклонившись от общего замысла относительно тайного хищения имущества, совершает грабеж или разбой. Относительно квалификации действий соучастников при изложенных обстоятельствах высказаны определенные суждения в доктрине уголовного права, имеются рекомендации по квалификации со стороны высшей судебной инстанции. В пункте 14.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 16.05.2017 г.) отмечено, что «в тех случаях, когда группа лиц предварительно договорилась о совершении кражи чужого имущества, но кто-либо из соисполнителей вышел за пределы состоявшегося сговора, совершив действия, подлежащие правовой оценке как грабеж или разбой, содеянное им следует квалифицировать по соответствующим пунктам и частям ст. 161, 162 УК РФ. Если другие члены преступной группы продолжили свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным соисполнителем насильем либо угрозой его применения для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества, они также несут уголовную ответственность за грабеж или разбой группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующе-

щими признаками» [8]. Как вытекает из приведенного разъяснения высшей судебной инстанции, действия лиц, допустивших эксцесс, квалифицируются, соответственно, как грабеж или разбой в зависимости от характера примененного ими физического или психического насилия к потерпевшим. Квалификацию же действий других соисполнителей предлагается осуществлять с учетом того, воспользовались впоследствии они или нет примененным другими участниками группы насилием для завладения имуществом потерпевших или его удержания. При положительном ответе на данный вопрос эти лица, по мнению Пленума Верховного Суда РФ, должны, как и лица, применившие насилие к потерпевшим, нести уголовную ответственность за групповой грабеж или разбой, совершенный по предварительному сговору.

Указанная позиция Верховного Суда РФ нашла поддержку со стороны Конституционного Суда Российской Федерации, отметившего, что «часть вторая ст. 162 УК Российской Федерации – с учетом ее места в системе уголовно-правового регулирования и по смыслу, придаваемому ей правоприменительной практикой, – предполагает оценку деяния как разбоя лишь для тех соучастников, кто применил физическое или психическое насилие **либо воспользовался им для хищения чужого имущества** (выделено мною. – Т.Ч.), т.е. осознавал факт насилия и факт посягательства не на один объект (собственность), а на два или более объекта уголовно-правовой охраны (собственность, жизнь, здоровье). Те же участники группы лиц по предварительному сговору, которые продолжили участие в изъятии либо удержании чужого имущества, не осознавая изменение способа хищения при эксцессе других исполнителей, должны нести ответственность исходя из тех признаков преступления, которые охватывались их умыслом» [9].

По мнению П.С. Яни, изложенная позиция не соответствует предписаниям ст. 36 УК РФ и основана «на фактическом продлении судом объективной стороны разбоя за пределы собственно нападения, которым разбой, однако, и окончен, т.е. на включении в объективную сторону данного преступления против собственности действий, пусть непосредственно и направленных на изъятие чужого имущества, но совершенных уже после такого нападения» [10. С. 28]. Действительно, законодательная конструкция разбоя как усеченного состава такова, что разбой считается юридически оконченным преступлением с момента нападения с целью завладения чужим имуществом. Однако фактическое завершение разбоя не совпадает с его юридическим окончанием: нападение совершается для завладения чужим имуществом, и виновные лица стремятся свою цель реализовать, завладеть имуществом потерпевших и обратить его в свою пользу. В течение всего этого периода общественная опасность их поведения не исчезает, она наличествует. И если участники группы лиц по предварительному сговору, изначально договаривавшиеся совершить кражу, понимая, что насилие, опасное для жизни и здоровья, примененное к потерпевшим другими участниками группы, облегчает изъятие чужого имущества и его

удержание, приняли изменившиеся условия совершения преступления и воспользовались ими, то их действия, начавшиеся как кража, переросли в разбой. Квалификация их действий по статьям о краже или грабеже не соответствовала бы степени общественной опасности содеянного.

Г.А. Есаков, критикуя позицию П.С. Яни, отмечает, что «П.С. Яни узко подходит к пониманию объективной стороны разбоя, ограничивая ее юридическим моментом окончания преступления... видоизменение соучастия, в том числе отягчение совершаемого преступления, возможно вплоть до момента фактического окончания разбоя» [11. С. 32–36]. Кроме того, как справедливо отмечает Ю.А. Клименко, действия по завладению имуществом в ходе разбойного нападения не требуют дополнительной квалификации, и «если бы они не охватывались составом разбоя, их потребовалось бы квалифицировать дополнительно, по совокупности с каким-либо другим преступлением против собственности, что, как известно, не происходит» [12. С. 22–24].

Резюмируя изложенное, следует отметить, что рекомендация Пленума Верховного Суда по квалификации эксцесса соисполнителей при изложенной выше ситуации представляется обоснованной.

Иногда лицо, которое склонили к конкретному преступлению, по каким-либо причинам совершает неоднородное новое преступление вместо согласованного (в отношении же последнего не осуществляет даже подготовительных действий). В данной ситуации нет соучастия как такового, а имеется частный случай «неудавшегося соучастия». Исполнитель, совершивший преступление, будет отвечать за фактически содеянное (качественный эксцесс), действия же иных лиц не находятся в причинной связи с этим деянием, в связи с чем их ответственность за совершенное исполнителем преступление исключается. Возникает вопрос об уголовно-правовой оценке действий организатора, подстрекателя, пособника, которые в конечном итоге закончились неудачей. В теории уголовного права и судебной практике преобладает точка зрения, в соответствии с которой неудавшееся соучастие расценивается как приготовление к преступлению [4; 7; 13. С. 182–183; 14. С. 68; 15. С. 158; 16]. Относительно квалификации действий подстрекателя, усилия которого по склонению другого лица к совершению преступления оказались безуспешными (неудавшееся подстрекательство), имеются законодательные предписания. В соответствии с ч. 5 ст. 34 УК РФ лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления, несет уголовную ответственность за приготовление к преступлению. Толкование этой нормы позволяет сделать вывод, что неудавшимся подстрекательством являются и такие ситуации, при которых подстрекатель изначально соглашается совершить преступление, но затем отказывается от его совершения. Л.М. Прокументов, критикуя указанное выше решение законодателя, отмечает, что такая правовая оценка действий подстрекателя «неправильно представляет (искажает) его роль, искусственно превращая подстрекателя в исполнителя преступления, к тому же самого готовящегося

совершить преступление, а не склоняющего к этому других» [3. С. 140]. Автор предлагает решить вопрос с ответственностью за неудавшееся подстрекательство за счет криминализации неудавшегося подстрекательства путем установления уголовной ответственности за неудавшееся подстрекательство к совершению тяжких и особо тяжких преступлений [3. С. 141]. Вряд ли можно согласиться с утверждением, что предписания ч. 5 ст. 34 УК РФ искусственно превращают подстрекателя в исполнителя преступления, самого готовящегося совершить преступление. Подстрекатель, используя либо убеждающие, либо принуждающие приемы, пытается найти исполнителя или соисполнителей преступления, т.е. подыскивает соучастников преступления. А приискание соучастников преступления в соответствии с ч. 1 ст. 30 УК РФ является разновидностью приготовления к преступлению. Следовательно, неудавшееся подстрекательство, являющееся не чем иным, как неудавшимся приисканием соучастника преступления, вполне обоснованно может квалифицироваться как приготовление к преступлению.

Как приготовление к преступлению должны квалифицироваться действия и тех лиц, которым не удалось завершить начатые организаторские или пособнические действия при неудавшемся соучастии, поскольку эти лица умышленно создавали условия для последующего совершения преступления. Было бы целесообразным на законодательном уровне закрепить положение, в соответствии с которым неудавшееся соучастие (неудавшееся склонение к совершению преступления, неудавшаяся организаторская деятельность, неудавшееся пособничество в преступлении) должно влечь ответственность за приготовление к преступлению. В научной литературе предлагаются заслуживающие внимания предложения по редакции соответствующих норм [16].

Таким образом, если лицо, которое склонили к преступлению, не совершает это преступление, а совершает иное неоднородное преступление, которое не охватывалось умыслом других «соучастников», оно единолично отвечает за совершенное по собственной инициативе преступление, а неудавшиеся действия других лиц по склонению к преступлению, организации преступления или содействию ему должны квалифицироваться как приготовление к преступлению (в том случае, если планировалось преступление тяжкое или особо тяжкое).

Иногда действия исполнителя, направленные на совершение преступления, оговоренного другими соучастниками, влекут за собой последствия, в отношении которых наличествует неосторожная форма вины. Например, подстрекатель склонил исполнителя совершить изнасилование женщины. Совершенное изнасилование повлекло по неосторожности смерть потерпевшей или ее самоубийство. В научной литературе было высказано суждение, что в подобных случаях подстрекатель и пособник должны отвечать за соучастие в изнасиловании с квалифицирующими признаками, поскольку тяжкое последствие хотя и не было проявлением воли соучастников, но подобный исход преступления им должен был представляться возможным

[17. С. 90]. Указанная квалификация последствий, причиненных по неосторожности, вызывает возражение. Обязательным субъективным признаком соучастия является в соответствии со ст. 32 УК РФ наличие умышленной формы вины. В связи с этим следует согласиться с утверждением, что «неосторожное причинение преступного результата находится за пределами соучастия, поскольку не охватывается умыслом других соучастников. Следовательно, имеет место эксцесс исполнителя, который и должен нести ответственность за неосторожные последствия» [3. С. 120]. Другие соучастники должны отвечать только за то преступное деяние, которое охватывалось их умыслом.

Эксцесс может наличествовать не только со стороны исполнителя преступления, но и со стороны иных соучастников: организатора, подстрекателя, пособника, на что обращали внимание многие исследователи [7, 16]. Это должно учитываться при квалификации действий соучастников. Например, подстрекатель, желая избавиться от беременной жены, с которой был намерен развестись, и от уплаты алиментов на будущего ребенка, нашел исполнителя убийства, который за вознаграждение согласился совершить убийство. Исполнителю преступления о факте беременности потерпевшей не было известно. Следовательно, его умыслом не охватывалось совершение убийства с квалифицирующим признаком, предусмотренным п. «г» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Его действия должны квалифицироваться по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ – как убийство, совершенное по найму. Побуждения же подстрекателя, которыми он руководствовался, стремясь избавиться от беременной женщины, должны быть учтены при квалификации его действий. При этом необходимо исходить из принципов самостоятельности ответственности соучастников преступления и субъективного вменения. Со стороны подстрекателя в изложенной ситуации наличествует склонение к убийству женщины, заведомо для него находящейся в состоянии беременности, из корыстных побуждений (ч. 4 ст. 33, пп. «г», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ). Указанная квалификация действий исполнителя и подстрекателя адекватно отражает те обстоятельства, которые охватывались умыслом каждого из них, мотивы и цели, которыми руководствовались соучастники преступления.

Было бы целесообразным на законодательном уровне уточнить редакцию ст. 36 УК РФ, предусмотрев в ней не эксцесс исполнителя, а эксцесс соучастника преступления.

Список источников

1. Уголовный кодекс Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Черненко Т.Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики. М. : Проспект, 2020. 208 с.
3. Прокументов Л.М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 164 с.
4. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М. : Статут, 2013. 408 с.
5. Иванова Л.В. Особенности квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя преступления // Российский следователь. 2013. № 7. С. 24–26.

6. Ситникова А. Квалификация действий соучастников преступления при эксцессе исполнителя // Уголовное право. 2009. № 5. С. 76–77.
7. Капинус О.С., Ображиев К.В. Эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации // Уголовное право. 2018. № 2. С. 42–51.
8. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (в ред. от 16.05.2017 г.) // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>
9. По запросу Тракторозаводского районного суда города Челябинска о проверке конституционности части второй статьи 35 и части второй статьи 162 Уголовного кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда РФ от 11.04.2019 № 862-О // СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>
10. Яни П.С. Проблемы понимания соучастия в судебной практике // Законность. 2013. № 8. С. 24–28.
11. Есаков Г.А. Умысел в соучастии (Эксцесс исполнителя и ответственность организатора) // Уголовное право. 2018. № 2. С. 32–36.
12. Клименко Ю.А. Эксцесс соучастника преступления // Судья. 2016. № 4. С. 22–24.
13. Ковалёв М.И. Соучастие в преступлении. Часть II: Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. Свердловск : Свердлов. юрид. ин-т, 1961. 275 с.
14. Малыхин В.И. Квалификация преступлений: теоретические вопросы. Куйбышев : Изд-во Куйбыш. ун-та, 1987. 97 с.
15. Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М. : Юрид. лит., 1974. 208 с.
16. Шеслер А.В. Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении // Lex russica. 2015. № 6. С. 30–38.
17. Ковалёв М.И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1999. 204 с.

References

1. Russian Federation. (n.d.) *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [The Criminal Code of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>.
2. Chernenko, T.G. (2020) *Kvalifikatsiya prestupleniy: voprosy teorii i praktiki* [Qualification of Crimes: Questions of Theory and Practice]. Moscow: Prospekt.
3. Prozumentov, L.M. (2010) *Gruppovoe prestuplenie: voprosy teorii i praktiki* [Group Crime: Questions of Theory and Practice]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Arutyunov, A.A. (2013) *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in Crime]. Moscow: Statut.
5. Ivanova, L.V. (2013) Peculiarities of qualification of actions of accomplices in case of an excessive act. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 7. pp. 24–26. (In Russian).
6. Sitnikova, A. (2009) *Kvalifikatsiya deystviy souchastnikov prestupleniya pri ekstsesse ispolnitelya* [Qualification of actions of accomplices in crime in case of excessive act]. *Ugolovnoe pravo*. 5. pp. 76–77.
7. Kapinus, O.S. & Obrazhiev, K.V. (2018) *Ekstsess ispolnitelya i inykh souchastnikov prestupleniya: problemy kvalifikatsii* [The excessive act and other accomplices of the crime: problems of qualification]. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 42–51.
8. The Supreme Court of the Russian Federation. (2002) *O sudebnoy praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboe: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 27 dekabrya 2002 g. № 29 (v red. ot 16.05.2017 g.)* [On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 (as amended on May 16, 2017)]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>

9. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2019) *Po zaprosu Traktorozavodskogo rayonnogo suda goroda Chelyabinska o provere konstitutsionnosti chasti vtoroy stat'i 35 i chasti vtoroy stat'i 162 Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii: Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 11.04.2019 N 862-O* [At the request of the Traktorozavodsky District Court of the city of Chelyabinsk to verify the constitutionality of Part Two of Article 35 and Part Two of Article 162 of the Criminal Code of the Russian Federation: Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 11, 2019 N 862-O]. [Online] Available from: <http://www.consultant.ru>

10. Yani, P.S. (2013) Problemy ponimaniya souchastiya v sudebnoy praktike [Problems of understanding complicity in judicial practice]. *Zakonnost'*. 8. pp. 24–28.

11. Esakov, G.A. (2018) Umysel v souchastii (Ekstsess ispolnitelya i otvetstvennost' organizatora) [Intention in complicity (Excess of the performer and responsibility of the organizer)]. *Ugolovnoye pravo*. 2. pp. 32–36.

12. Klimenko, Yu.A. (2016) Ekstsess souchastnika prestupleniya [Excess of an accomplice]. *Sud'ya*. 4. pp. 22–24.

13. Kovalev, M.I. (1961) *Souchastie v prestuplenii. Chast' II: Vidy souchastnikov i formy uchastiya v prestupnoy deyatelnosti* [Complicity in crime. Part II: Types of accomplices and forms of participation in criminal activity]. Sverdlovsk: SLI.

14. Malykhin, V.I. (1987) *Kvalifikatsiya prestupleniy: teoreticheskie voprosy* [Qualification of Crimes: Theoretical Issues]. Kuybyshev: Kuybyshev State University.

15. Telnov, P.F. (1974) *Otvetstvennost' za souchastie v prestuplenii* [Responsibility for Complicity in a Crime]. Moscow: Yurid. lit.

16. Shesler, A.V. (2015) Perspektivy sovershenstvovaniya ugovolno-pravovykh norm o so-uchastii v prestuplenii [Prospects for improving the criminal law on complicity in a crime]. *Lex Russica (The Russian Law)*. 6. pp. 30–38.

17. Kovalev, M.I. (1999) *Souchastie v prestuplenii* [Complicity in Crime]. Yekaterinburg: Ural State Law Academy.

Информация об авторе:

Черненко Т.Г. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: chernenkotg@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.G. Chernenko, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: chernenkotg@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.11.2021;
одобрена после рецензирования 18.02.2022; принята к публикации 17.05.2022.*

*The article was submitted 10.11.2021;
approved after reviewing 18.02.2022; accepted for publication 17.05.2022.*